

Александр Балтин. Москва
К 150-летию В.Я. Брюсова

1

Математически-выверенный, необычайно разнообразный: словно (в том числе) задавшийся целью переписать всю мировую поэзию по-русски, тотально эрудированный Брюсов вдруг вспыхивает таким простым и задушевым стихотворением:

*В нашем доме мыши поселились
И живут, и живут!
К нам привыкли, ходят, расхрабрились,
Видны там и тут.*

Таким естественным, нежным, что и умствования все – вроде пустая трата времени.

Тем не менее, именно на умствованиях и зиждется брюсовский свод: разнообразный, протянутый в бесконечность, и стремящийся охватить как можно больше тем жизни, её ракурсов, разного, всякого...

...улица-буря, современные звоны и зовы, омнибусы и автомобили, и вдруг – видение, страшно рассекающее реальность: всадники, вдруг – усиленное современностью ощущение краха, провала:

*Улица была – как буря. Толпы проходили,
Словно их преследовал неотвратимый Рок.
Мчались омнибусы, кебы и автомобили,
Был неисчерпаем яростный людской поток.
Вывески, вертясь, сверкали переменным оком
С неба, с страшной высоты тридцатых этажей;
В гордый гимн сливались с рокотом колес и скоком
Выкрики газетчиков и щелканье бичей.
Лили свет безжалостный прикованные луны,
Луны, сотворенные владыками естеств.
В этом свете, в этом гуле – души были юны,
Души опьяневших, пьяных городом существ.*

Это – панорама, именно располагающая к появлению всадников; всякое начало века непривычно для тех, кто формировался в предыдущем; двадцатый век в этом плане был усерднее других.

И каменщик строит тюрьму, и вопрошающий его будет задавлен ответом.

Но – мир слишком щедр к тому, кто готов его слушать: он раскроется бесконечной историей, где Клеопатра будет говорить о своей трагедии, а средневековая Германия растворится строем готических буквиц-бюргеров; где Армения подарит таинственный розовый туф своих созвучий, а часовщик заведёт часы по рисунку вечности...

Научная поэзия была логична для Брюсова – многознатца, мечтавшего о соединении разных видов интеллектуальной деятельности...

Свод математически рассчитанных стихов велик, – и сегодня можно открыть в его недрах драгоценные камни поэтической метафизики.

Шум и гул времени – и математический расчёт строк: точных, как биссектриса, или вектор (эрудиция Брюсова поражала своей глобальностью)...

И «Конь блед», насыщенный сколь современностью, столь и вечными тонами, через призмы конкретики проводили неистовство образов:

*Улица была – как буря. Толпы проходили,
Словно их преследовал неотвратимый Рок...*

Бури много было в поэзии Брюсова, но была и уникальная уютная тишина, лучше, чем в каких-либо других произведениях, выраженная в стихотворение «Мыши»:

*То клубком катаются пред нами,
То сидят, глядят:
Возьмётся безжалостно ночами,
По углам пищат.*

Великолепие прелести детского восторга пред жизнью, бесконечного удивления ею...

Брюсов – один из немногих – кто входил с поэтическим факелом в мир науки, живописуя таинственные недра микромира – или: миров:

*Быть может, эти электроны –
Миры, где пять материков,
Искусства, знанья, войны, троны
И память сорока веков!
Еще, быть может, каждый атом –
Вселенная, где сто планет;
Там всё, что здесь, в объеме сжатом,
Но также то, чего здесь нет.*

Его стихи горели жёсткой ювелирной огранкой: сонет прекрасно подходил ему, как сгусток формы.

Он был символистом: но никаких зыбей и расплывчатостей его поэзия не подразумевала: всё строилось жёстко и чётко: на факте жизни, и – её фактуре.

И сияние шло от поэтического сада, разбитого им: идёт и ныне.

3

История была логична для него, как погружение в бездну, горящую многими огнями.

Проза Брюсова разворачивала культурологические знамёна, но так, что иероглифы знаков, пылающие на них, представляли былое настоящим.

Пламенел «Огненный ангел», прекрасно вдохновивший Прокофьева.

Была особая музыкальность в прозаических периодах Брюсова: и величие гудящего стволowym лесом органа легко пересекалось с медовыми звуковыми разводами виолончели.

Малая проза Брюсова перекликалась с разнообразием его поэзии: зажигались стилизации под старинные хроники, психологический этюд давал возможности реалистического письма, а фантастика наслаивалась на тщательно, до деталей выписанный быт.

...он исследовал Пушкина, как поэт, представляя при этом прозаиком и учёным.

Он владел разными техниками письма: но, чтобы ни создавал, произведения всегда были стянуты золотыми метафизическими нитями индивидуальности.

«Алтарь победы» живописует жизнь Рима IV века н. э. так, что создаётся иллюзия читательского присутствия в оном...

И наиболее загадочным остаётся алхимическое построение «Огненного ангела»: мерцающая и завораживающая и ныне.